

Теории и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДРУГИХ: ЛЖЕЦЫ И ПРЕДАТЕЛИ

Аннотация. В данной статье делается попытка определить сущность правдивости и лживости как качеств человека в его отношениях с другими людьми. Рассматриваются подходы философов и психологов к проблеме выбора между истиной и ложью. Ложь рассматривается как вариант аддиктивного поведения, а лжец – как частичная парциальная личность, отчужденная от человечества. Кроме того, ложь рассматривается в качестве порока культуры и порока каждого отдельного человека.

Ключевые слова: ложь как нарочитое искажение истины; обман как проявление лжи; лицедейство как обман; сущностные характеристики лжи; антиномичность бытия; незавершенность человека; ложь как отчуждение; правдивость как эквивалент аутентичности; предательство.

Abstract. The author defines essence of truthfulness and falsity as personal qualities in human interrelations. There are approaches of philosophers and psychologists on choice problem between true and lie in the article. The lie is considered as addictive behavior and the liar as a partial person, aloof from mankind. Overall, lie is considered as culture defect and person's defect.

Keywords: lie as deliberate true distortion; a deceit as lie display; acting as a deceit; intrinsic characteristics of lie; antinomy lives; incompleteness of a person; lie as alienation; truthfulness – an authenticity equivalent.

Правого Бог правит.

Русская поговорка

Лжа, что ржа: тлит.

Вл. Даль

Мы исходим из амбивалентной природы феноменологической сущности человека. Правда и ложь амбивалентны, как и многие человеческие качества.

Сущность правды

Правда – то, что соответствует действительности; то, что исполнено истины; правдивость.

Правдивость – свойство, проявляющееся в непосредственном общении людей. Правдивый человек – тот, кто стремится к открытому, честному проявлению своего отношения к сути происходящего.

Правде всегда противостояла ложь.

Правый, десный, прямой. Противоположное: ложный, кривой, не прямой.

Сущность лжи

Ложь – неправда, намеренное искажение истины. Лгун – тот, кто лжет, кто привык лгать, лжец.

Человеческие качества развивались на перепутье пяти реальностей

Человеческие качества, поднимающие субъекта над животным миром к духовным высотам и низвергающие его в пучину ада, развивались в процессе истории на перепутье пяти реальностей, которые выступали как условия развития и бытия личности. Речь идет о реальностях: 1) предметного мира; 2) образно-знаковых систем; 3) природы; 4) социально-нормативного пространства; 5) внутреннего пространства самой личности. Все названные реальности взаимодействуют друг с другом и обуславливают особенности развития высоких и низких человеческих качеств [1]. Выделенные В. С. Мухиной реальности в каждый исторический момент и в каждом локальном культурном образовании имеют свои константы и свои метаморфозы. Именно это обстоятельство вынуждает нас рассматривать наши человеческие сущностные проявления в контексте культуры той эпохи, к которой принадлежит конкретное поколение.

Ложь противоположна правде

Ложь как феномен, противоположный правде, имеет долгую историю наполнения значениями и смыслами, которые продолжают осмысливаться и по сей день.

В процессе исторического времени мыслители пытались проникнуть в суть феномена лжи, понять и описать многообразные проявления этого исключительного человеческого по своей сути качества.

Обратимся к пониманию лжи в истории человеческого осмысления добра и зла.

Сущность лжи
в ее многоликости

Еще Гомер указывал на Ахилла, который взывал к Аполлону: «Так, обманул ты меня, о зловреднейший между богами!».

Ложь порицалась в тысячелетиях. Но она оказалась живучей. Сущностно ложь как феномен многолика.

Платон писал о том, что ложь не приемлют боги и люди: «Подлинную ложь <...> ненавидят все боги и люди» [2, с. 146]. Философ полагал, что ложь вводит человека в заблуждение и делает его невежественным. Он писал о том, что подлинная ложь – «это укоренившееся в душе невежество, свойственное человеку, введенному в заблуждение. А словесная ложь – это уже воспроизведение душевного состояния, последующего его отображения...» [2, с. 146]. Тем не менее, Платон принимал ложь ради блага [3, с. 113] и порицал ложь в гражданских отношениях свободных граждан [3, с. 378–379]. Платон анализировал ложь как ненавистное свойство человека и как механизм социальных отношений.

Обман заслуживает
осуждения

Аристотель продолжил обсуждать тему лжи и обмана в человеческой природе: «Обман сам по себе дурен и заслуживает осуждения, а правда прекрасна и заслуживает похвалы. Так и правдивый человек как держащийся середины, заслуживает похвалы, а обманывающий – безразлично в какую сторону – заслуживает осуждения...» [4, с. 140]. Аристотель полагал, что «добро и зло – это соответственно истина и ложь» [4, с. 173].

Реально феноменологические особенности человека настолько многоплановы, глубинно-многозначны, разнополюсны, что подчас мы, человеки, затрудняемся обнаруживать объективно существующие противоречия нашей природы.

Французские моралисты, начиная с Мишеля Монтеня, обсуждали проблемы добра и зла, истины и лжи.

Проблемы выбора
между истиной
и ложью

М. Монтень, тонкий исследователь человеческой природы, в своих «Опытах» (1571–1592) неоднократно обращался к проблеме истины и лжи. Он полагал, что «даже сама невинность не сумела бы, живя среди нас, обойтись без притворства и вести дела не прибегая ко лжи» [5, с. 10].

Он указывал на трудности выбора между истиной и ложью: «Я не пытаюсь отказывать обману в его правах – это значило бы плохо понимать жизнь: я знаю, что он часто приносит пользу и что большинство дел человеческих существует за его счет и держится на нем. Бывают пороки, почитаемые законными; бывают хорошие или извинительные поступки, которые, тем не менее, незаконны» [5, с. 10–11].

Истина подчас
неудобна
и затруднительна

Великий моралист полагал: «Истина иногда бывает для нас затруднительна, неудобна и непригодна. Нам нередко приходится обманывать, чтобы не обмануться...» [5, с. 211].

М. Монтень вспоминал Цицерона: «Ложное до того близко соседствует с истиной, что мудрец должен остерегаться столь опасной близости». Он сам высказывал свое собственное видение: «Истина и ложь сходны обликом, осанкой, вкусом и повадками: мы смотрим на них одними и теми же глазами» [5, с. 231].

На примерах общественной или государственной деятельности, требующей сочетания множества интересов и использования разнообразных, часто недостойных, средств для достижения конкретных целей, он рассматривал значение правды и неправды. Апеллируя к мнению ряда выдающихся мыслителей древних времен, М. Монтень полагал: «Тот, кто стремится к некоей общей правде, вынужден допускать неправду в частностях, и тому, кто хочет справедливости в делах великих, приходится совершать несправедливость в мелочах, а правосудие человеческое действует на манер медицины, с точки зрения которой все полезное тем самым правильно и честно» [5, с. 269].

Правда важнее всего

М. Монтень мучительно искал ту принципиальную позицию, которая дала бы правильные моральные ориентиры. Он писал: «Лишь бы говорилась правда. Это важнее всего. Кому не отвратительно вероломство, раз даже Тиберий отказался прибегнуть к нему, хоть оно и могло доставить ему великую выгоду» [5, с. 5]. В то же время он полагал: «Общее благо требует, чтобы во имя его шли на предательство, ложь и беспощадное истребление: предоставим же эту долю людям более послушным и более гибким» [5, с. 6]. И вновь М. Монтень противоречил своим прежним суждениям: «Мало того, что мне противно обманывать, – мне противно, когда обманываются во мне» [5, с. 6]. Сколь противоречив человек по своей сущности, как сложно ему договориться с самим собой относительно места истины и лжи, правды и неправды в его собственных мотивах и реальных поступках в столь сложных образно-знаковых и социально-нормативных реалиях, созданных человечеством в своей истории.

Обман недопустим
даже по отношению
к преступнику

В то же время М. Монтень возвращал себя к высшей духовной позиции относительно правды: «Непосредственность и правдивость своевременны и уместны в любой век, каким бы он ни был» [5, с. 7].

М. Монтень, оппонировав Платону относительно его суждений о государстве, о пользе для государства и допу-

щении низкой лжи, лицемерия, вероломства, писал о своих негативных переживаниях по поводу хитроумного, обманного поведения даже по отношению к преступнику: «Меня часто охватывала досада, когда я видел, как судьи, стараясь вынудить у обвиняемого признание, морочили его ложными надеждами на снисхождение или помилование, прибегая при этом к бесстыдному надувательству. И правосудие, и Платон, поощрявший приемы этого рода, немало выиграли бы в моих глазах, предложи они способы, которые пришлось бы мне более по душе. Злобой и коварством своим такое правосудие, по-моему, подрывает себя не менее, чем его подрывают другие» [5, с. 6]. Действительно: чем лгущий судья или адвокат лучше преступника, который лжет и лицедействует с целью причинить ущерб своей жертве?

Безусловно, М. Монтень был прав: в этическом отношении обман со стороны представителей государственных структур не должен иметь оправдания. Государственные чиновники, прибегая ко лжи, опускаются на один моральный уровень с нарушителями закона. Правда всегда является высшей ценностью.

В форме максим и афоризмов вслед за М. Монтенем излагал свои идеи Франсуа де Ларошфуко [6].

Человек
амбивалентен
в своих проявлениях

Внутренние личностные противоречия, внешние проблемы взаимоотношений с другими людьми являются проявлением нашей амбивалентной природы. Человек столь сложен в своих многосторонних сущностях, что он, тяготея к высокому, может пасть в тартарары, тяготея к прекрасному, может кануть в уродство, тяготея к правде, может соскользнуть ко лжи. Человек, рефлексировав на себя, может обнаружить в себе непредсказуемые проявления негативных качеств, в том числе соединенность в себе проявлений правдивости и лживости. Человек склонен к амбивалентному проявлению своих качеств. Он способен стирать в себе различия добра и зла, лицедействовать пред самим собой и пред другими. Лицедейство – не только игра актера, но это и игра человека перед собой и другими, это притворство, обман, ложь.

Лицедейство
вынуждает человека
отказаться от своей
сущности

Притворство, лицедейство вынуждают человека отказываться от своей сущности. Ф. де Ларошфуко порицал неподлинность проявлений человека: «Искренность – это чистосердечие. Мало кто обладает этим качеством, а то, что мы принимаем за него, чаще всего просто тонкое притворство, цель которого – добиться откровенности окружающих» [6, с. 155]. Вслед за этим видением человеческой сущности знаменитый моралист заключал: «Если мы решим никогда не обманывать дру-

гих, они то и дело будут обманывать нас» [6, с. 159]. При этом: «Притворяясь, будто мы попали в расставленную нам ловушку, мы проявляем поистине утонченную хитрость, потому что обмануть человека легче всего тогда, когда он хочет обмануть нас» [6, с. 159].

Ф. де Ларошфуко полагал, что все люди охвачены круговой порукой в лицедействе: «Каждый человек, кем бы он ни был, старается напустить на себя такой вид и надеть такую личину, чтобы его приняли за того, кем он хочет казаться; поэтому можно сказать, что общество состоит из одних только личин» [6, с. 170].

Таким образом, Ф. де Ларошфуко, вслед за М. Монтенем, пытался охватить столь сложную проблему человеческой сущности, как тяга к правдивости и лживости. Следующее поколение французских писателей-моралистов обращалось к нравственной проблеме, к человеческой правдивости и лживости: Ж. де Лабрюйер («Характеры, или Нравы нынешнего века», 1688); Л. К. де Вовенарг («Максимы», 1746); Н. С. Р. Шамфор («Максимы и мысли. Характеры и анекдоты», 1795).

В тот же исторический период немецкий философ Иммануил Кант, создатель трансцендентального идеализма, глубоко размышлял о человеческой морали.

И. Кант полагал: «Когда намеренно, хотя бы только по легкомыслию, говорят неправду, это обычно называют *ложью* (*mendacium*), потому что она наносит урон по меньшей мере в том отношении, что тот, кто чистосердечно ее повторяет, становится, как человек легковерный, посмешищем для других. Но в правовом смысле считается, что лишь та неправда должна называться ложью, которая непосредственно наносит другому ущерб в его правах, например ложная ссылка на якобы заключенный с кем-то договор, дабы лишить его *своего* (*falsilogium dolosum*)...» [7, с. 262]. При этом И. Кант обсуждал проблему самоуважения. Он писал: «Поэтому, когда говорят: *самоуважение* – долг человека, то это неправильно; следует, наоборот, сказать, что закон в нем неизбежно заставляет его иметь *уважение* к своему собственному существу» [7, с. 445]. Для «долга быть правдивым, – согласно И. Канту, – хотят строить доказательство, сначала исходя из *вреда*, который причиняет другим ложь, а затем исходя из *подлости* лжеца и из нарушения уважения к самому себе» [7, с. 445].

Что касается «долга человека перед самим собой как *только* перед моральным существом <...>, то этот долг состоит в *формальном* соответствии между максимами воли человека и *достоинством* человечества в его лице;

Человеческая сущность – одновременная способность к правдивости и лживости

Неправда наносит урон лгуну и уверовавшему в ложь

Долг человека перед самим собой

следовательно, долг человека перед самим собой состоит здесь в запрещении лишать себя преимущества морального существа, заключающегося в том, чтобы поступать согласно принципам, то есть запрещении лишать себя внутренней свободы и тем самым делаться игрушкой одних лишь наклонностей, стало быть вещью. Пороки, противостоящие этому долгу: *ложь, скупость и ложное смирение* (раболепие)» [7, с. 461–462]. Эти пороки прямо противоречат характеру людей как моральных существ, то есть внутренней свободе, прирожденному достоинству человека. Добродетель, противостоящую названным порокам, И. Кант называл *любовью к чести*.

Ложь – величайшее нарушение долга перед самим собой

И. Кант настаивал на том, что человек имеет долг перед самим собой: человек существо моральное. Он повторял одну и ту же истину, которую выносил на обсуждение в течение многих лет: «Величайшее нарушение долга человека перед самим собой, рассматриваемого только как моральное существо (человечество в его лице), – это противоположность истине – *ложь*... Ясно само собой, что каждая преднамеренная неправда при высказывании собственных мыслей не может избежать этого резкого слова (которым в учении о праве называется извращение истины только тогда, когда ложь нарушает права других) в этике, не заимствующей свои основания (*Befugnis*) из безобидности» [7, с. 471–472].

Ложь – уничтожение человеческого достоинства в себе

И. Кант полагал, что ложь может быть *внешней* или *внутренней*. Внешняя ложь делает человека предметом презрения в глазах других, она также оскорбляет достоинство человечества в его лице. Философ неустанно повторял: «Ложь есть унижение и как бы уничтожение человеческого достоинства в себе. Человек, который сам не верит тому, что он говорит другому <...>, имеет еще меньшую ценность, чем если бы он был просто вещью» [7, с. 472]. Философ уточнял: «*Правдивость* в объяснениях называется также *честностью*, если они к тому же и обещания – *добросовестностью*, а вообще-то – *искренностью*» [7, с. 472].

И. Кант полагал: «Человек как моральное существо может пользоваться собой как физическим существом, но не просто как физическим существом, но не просто как средством (как говорящей машиной), которое не было бы связано внутренней целью (общением мыслей); он связан условием соответствия объяснению морального существа и обязан быть *правдивым* перед самим собой» [7, с. 473].

Ложь – первое преступление, которое принесло в мир зло

В примечании к разделу, посвященному лжи, И. Кант писал: «Заслуживает внимания то, что Библия датирует первое преступление, которое принесло в мир зло, не с *братоубийства* (Каин), а с первой *лжи* (так как

против братоубийства восстает сама природа), и причиной всего злого называет первого лжеца и отца лжи, хотя разум не может указать дальнейшую причину этой склонности людей к *лицемерию* (*esprit fourbe*), которая ведь должна была предшествовать, так как акт свободы не может быть дедуцирован и объяснен (наподобие физического действия) и его причины, которые вместе суть явления» [7, с. 474].

И. Кант не раз обращался к анализу феноменов обмана и лжи.

Он – лжец и отец лжи

И. Кант адресовал нас к библейскому тексту от Иоанна. В Библии сказано: «Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он – лжец и отец лжи» [Ин. 8:44]. И. Кант писал: «*Ложь* (“от отца лжи, которым в мир принесено все зло”) – воистину позорное пятно на человеческой природе, как и налет правдивости (наподобие иных китайских лавочников, которые пишут золотом над своими лавками: “Здесь никогда не обманывают”) – лишь привычная банальность для всего, что касается сверхчувственного. Одна только заповедь: не лги (даже из самых благочестивых намерений), глубоко укорененная в основе философии как учения о мудрости, могла бы не только способствовать вечному миру в ней, но и сохранить его на все будущее время» [8, с. 255].

Говорить правду есть долг

И. Кант судил о мнимом праве лгать из человеколюбия. Он был убежден: «*Говорить правду есть долг* <...> Правдивость в высказываниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому <...> Неправдивость есть нарушение долга по отношению к самому себе» [8, с. 257]. Искращения, которые должны быть названы ложью, есть нарушения долга вообще в самых существенных его частях.

Ложь – всегда свидетельство против другого человека

И. Кант заключил: «Таким образом, определение лжи, как умышленно неверного свидетельства против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения... Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает неприменимым самый источник права» [8, с. 258]. Но и эта добропорядочная ложь вследствие какой-нибудь *случайности* (*casus*) наказуема и по гражданским законам. Тот, кто лжет, должен отвечать даже и

перед гражданским судом и поплатиться за все последствия, потому что правдивость есть долг. И. Кант выражал уверенность в том, что «это – священная, безусловная повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех наказаниях быть *правдивым* (честным)» [8, с. 259]. Вслед за этим суждением И. Кант продолжал: «Тот, кто обращенный к нему вопрос: желает он или нет быть правдивым в предстоящем ему свидетельстве, не примет с негодованием на высказываемое в этих словах подозрение, будто он может быть лжецом, а напротив, – попросит позволения сначала подумать о возможных исключениях, тот уже лжец..., ибо он этим показывает, что он не признает, что правдивость сама по себе есть долг, но оставляет за собой право на исключения из такого правила, которое по самому существу своему не допускает никаких исключений, потому что исключениями-то как раз оно себе и противоречит» [8, с. 261–262].

Моральная культура должна основываться на принципах

И. Кант уделял специальное внимание педагогике. Он полагал, что у ребенка должна быть воспитана моральная культура, при этом «*моральная культура* должна основываться на принципах, не на дисциплине. Последнее предотвращает злоупотребление, первое – воспитывает способ мышления. <...> Если, например, ребенок лжет, то следует не наказывать его, а относиться к нему с презрением, говорить ему, что в следующий раз ему не будут верить и т.п. Если же наказывать ребенка за дурное и награждать за доброе, то он будет делать добро ради выгоды» [9, с. 441]. Именно выражение презрения ко лжи – идеальное условие воспитания стремления человека к правдивости.

Далее И. Кант указывал на значение принципов, которые ориентируют человека при выборе жизненных ориентиров. Он писал: «*Принципы* должны рождаться в самом человеке. При моральной культуре следует заранее стараться привить детям понятия о том, что хорошо и что плохо. Если следует заложить нравственные чувства, не следует наказывать. Нравственность есть нечто до такой степени святое и возвышенное, что ее нельзя унижать и ставить на одну доску с дисциплиной» [9, с. 441–442]. Правдивость и лживость – амбивалентные качества человека. Они не могут налагаться друг на друга, смешиваться. Они противостоят друг другу.

Человеческое достоинство может быть понятным и ребенку. Ребенок, солгав, может пережить унижение своего человеческого достоинства, так как он в состоянии думать и сообщать свои мысли другим. И. Кант писал: «Ложь делает человека предметом всеобщего презрения;

это – средство лишить его самого уважения и той веры, которую каждый должен питать к себе» [9, с. 451].

Аспекты возможного
рассмотрения лжи

Как показывает современная наука, феномен лжи имеет четыре основных аспекта: гносеологический, логический, нравственный и политический.

Гносеологический аспект лжи основывается на условиях познания, при которых происходит искажение информации.

В логике понятие «ложь» «используется либо как предикат, то есть как свойство высказывания, либо как объект – одно из истинностных значений, приписываемое высказыванию, либо как унарный оператор при построении "логики лжи"» [10, с. 447].

Нас феномен лжи интересует прежде всего с точки зрения нравственности. Сознательная ложь имеет негативное значение, а лживость оценивается как порок. Однако ложь может расцениваться и как добродетель.

Ложь – нравственно
предосудительное
противоречие
истине

Русский философ В. С. Соловьев специально обсуждал как негативные, так и позитивные стороны лжи. Приведем статью В. С. Соловьева полностью.

«Ложь – в отличие от *заблуждения* и *ошибки* – обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине. Из прилагательных от этого слова безусловно дурное значение сохраняет лишь форма *лживый*, тогда как *ложный* употребляется также в смысле объективного несовпадения данного положения с истиной, хотя бы без намерения и вины субъекта; так *лживый вывод* есть тот, который делается с намерением обмануть других, тогда как *ложным выводом* может быть и такой, который делается по ошибке, вводя в обман самого ошибающегося. В нравственной философии имеет значение вопрос о лжи *необходимой*, то есть о том, позволительно или непозволительно делать сознательно несогласные с фактической действительностью заявления в крайних случаях, например, для спасения чьей-нибудь жизни. Этот вопрос неосновательно смешивается иногда с вопросом о позволительности худых средств для хороших целей, с которым он имеет только кажущуюся связь. Вопрос о необходимости лжи может быть правильно решен на следующем основании.

Нравственность
не есть
механический свод
различных
предписаний

Нравственность не есть механический свод различных предписаний, безотносительно обязательных в своей отдельности. С материальной стороны нравственность есть проявление доброй природы; но человек, по природе добрый, не может колебаться между нравственным интересом спасти ближнего и нравственным интересом соблю-

дать фактическую точность в своих показаниях; добрая натура исключает склонность ко лжи или лживость, но в данном случае лживость не играет никакой роли. Со стороны формальной, нравственность есть выражение чистой воли; но соблюдение внешнего соответствия между словом и фактом в каждом единичном случае, независимо от его жизненного смысла и с пожертвованием действительных нравственных обязанностей, вытекающих из данного положения – есть выражение не чистой воли, а только бездушного буквализма. Наконец, со стороны окончательной цели нравственность есть путь к истинной жизни, и ее предписания даются человеку для того, “чтобы он жив был ими”; следовательно, жертвовать человеческой жизнью для точного исполнения отдельного предписания – есть внутреннее противоречие и не может быть нравственным» [11, с. 911].

Ложь проявляет себя в разных сферах

В. С. Соловьев многократно обращался к проблеме истины и лжи, анализируя ее в самых разнообразных сферах человеческого бытия. Он исследовал ложь в практической и умственной сферах, ложь в искусстве и в обыденной жизни. Специально он обращался к проблеме внутренней лжи человека.

Компромиссы в жизни людей

В. С. Соловьев писал о компромиссах, которые поглощают человека и приводят ко лжи: «Вся наша жизнь, прошедшая, настоящая и будущая, до конца истории, есть в каждом своем данном состоянии фактический компромисс между осуществляющимся в мире высшим идеальным началом и того материального, не соответствующего ему средою, в которой оно осуществляется. Когда осуществляется вполне, тогда конец всякому компромиссу, но тогда же и конец истории и всему мировому процессу. Пока есть какое-нибудь несовершенство в мире, есть, значит, и компромисс противоборствующих начал, ибо что такое несовершенство, как не фактическая *уступка* высшего начала низшему? <...>

Постоянный компромисс противоборствующих начал

Если есть борьба и победа, усилие и улучшение, если абсолютный идеал не отрицается и не забывается, если он остается внутренним одушевляющим началом и окончательною целью деятельности, то фактический компромисс с реальной средой есть только внешняя необходимость, а не внутренняя ложь» [12, с. 343]. Таким образом, В. С. Соловьев, выступая на заседании Московского Психологического общества 19 октября 1891 года, рассматривал исторический компромисс – тот двойственный полуязыческий и полухристианский строй понятий и жизни, который сложился и господ-

ствовал в определенный исторический период. Он рассуждал не о фактическом компромиссе между абсолютной истиной и действительностью, а о постоянном компромиссе противоборствующих начал, который есть внешняя необходимость, а не внутренняя ложь.

Когда частный элемент утверждает себя в своей особенности

В. С. Соловьев, анализируя общий смысл искусства, писал о стремлении исключить или подавить чужое бытие как о *зле* в практической сфере или как о *лжи* в теоретической сфере. Он размышлял следующим образом: «Когда частный или единичный элемент утверждает себя в своей особенности, стремясь исключить или подавить чужое бытие, когда частные или единичные элементы порознь или вместе хотят стать на место целого, исключают и отрицают его самостоятельное единство, а через то и общую связь между собою и когда, наоборот, во имя единства теснится и упраздняется свобода частного бытия – все это: и исключительное самоутверждение (эгоизм), и анархический партикуляризм, и деспотическое объединение мы должны признать *злом*. Но то же самое, перенесенное из практической сферы в теоретическую, есть *ложь*. Ложью мы называем такую мысль, которая берет исключительно одну какую-нибудь из частных сторон бытия и во имя ее отрицают все прочие; ложью называем мы и такое умственное состояние, которое дает место лишь неопределенной совокупности частных эмпирических положений, отрицая общий смысл или разумное единство вселенной; наконец, ложью должны мы признать отвлеченный монизм или пантеизм, отрицающий всякое частное существование во имя принципа безусловного единства. И те же самые существенные признаки, которыми определяется зло в сфере нравственной и ложь в сфере умственной, они же и определяют безобразие в сфере эстетической» [13, с. 395].

В. С. Соловьев оказал сильное влияние на мировоззрение таких значительных в истории российской философии фигур, как братья С. Н. и Е. Н. Трубецкие, Н. О. Лосский, С. Ф. Франк, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев и др.

Антиномичность бытия

П. А. Флоренский понимал свою жизненную задачу как проложение путей к будущему цельному мировоззрению. Философа мучил вопрос о современном, новом, человеке. Одной из основных характеристик бытия, в его теперешнем падшем состоянии, философ считал антиномичность¹. Мир надтреснут, причина этого – грех и зло.

¹ Антиномия [гр. *antinomia* – противоречие в законе] – противоречие между двумя положениями, каждое из которых признается логически доказуемым.

Согласно П. А. Флоренскому, оправдание человека (антроподицея) решает вопрос, как согласовать веру в то, что человек создан по образу и подобию Божию, совершенным и разумным, с наличным его несовершенством и греховностью.

Современный человек полюбил в себе свою слабость

П. А. Флоренский писал: «Современный человек полюбил в себе свою слабость, свои колебания, свою немощь и постарался их именно выразить и показать прекрасными.

Либо «да, да», либо «нет, нет»

Совершенство, святость, мудрость, вообще завершенное состояние личности не приемлется людьми нового времени потому, что оно требует себе либо “да, да”, либо “нет, нет”¹. Искание истины новый человек предпочитает истине и методологию – достигнутому знанию. Поэтому прямой поворот кажется слишком строгим, не допускающим игры с собою, и новое искусство уклоняется от прямого поворота не только в портрете, но даже и в иконописи, внося и в религию субъективность и уклончивость. Новому человеку, повторяем, важно не совершенное, как некоторую норму, иметь перед собою, а любоваться самим собою, своими тонкими душевными движениями, которым истина служит лишь предлогом и возбудителем. “Страдать”, “стремиться”, “иметь горячие чувства” новому человеку представляется оправданием жизни, независимо от наличия истины или лжи, как источника всех этих состояний» [14, с. 183–184].

Новый человек упивается тонкими рефлексиями на себя

П. А. Флоренский сокрушался о том, что новый человек не хочет ни для себя, ни для других прямой дороги. Новый человек упивается тонкими рефлексиями на себя, и его мало интересует, что лежит в основе его переживаний – истина или ложь.

Трагическое состояние человека в его незавершенности

Философ сожалел о новом человеке: «Он отравлен страстями, загнанными внутрь. Он не смеет быть откровенно профильным (речь идет о ракурсах портрета человека. – *Авторы*): насильник чужой личности в своих вожделениях, новый человек себе самому не хочет сознаться начисто в своих желаниях и прячется за дымку мечтательности, дав желаниям возникнуть, но не допускающая их завершиться действием» [14, с. 184]. П. А. Флоренский находил современного человека в трагическом состоянии незавершенности, нецельности, дистанцированным от способности различать правду и ложь.

Психологические перипетии понимания лжи

В других работах П. А. Флоренский писал о любви ко лжи [15, с. 206], о разрушении идеи спасения, как о

¹ Слова Иисуса из Нагорной проповеди: «Но да будет слово ваше: “да, да”, “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого» [Мф. 5:37].

лжи [16, с. 468], о метафизически ложных высказываниях, «так как выставление на первый взгляд истины низшего порядка есть ложь» [16, с. 478].

П. А. Флоренский приходил к глубинному пониманию лжи во всех сложностях ее психологических перипетий. В то же время во всех проявлениях лжи он видел зло и не упивался тонкими нюансами возможных рефлексий по поводу лжи.

Ложь как
сущностная
особенность стиля
жизни общества

Ложь стала сущностной особенностью стиля жизни общества, которое, согласно идеологии, должно было построить коммунизм. Многие и многие граждане СССР, страдая от угнетенного состояния личности и двойной морали, по мере своих сил и в соответствии с индивидуальными особенностями своей личности, оказывали сопротивление насильственному давлению.

Интеллектуально изощренный наш соотечественник Иосиф Бродский с «болью и визгом» к условиям, его угнетающим, написал проникновенное эссе, которое посвятил памяти своей матери и своего отца.

Искусство
отчуждения

Рефлексируя на свою жизнь (детство и отрочество), он писал о том, что в возрасте лет десяти или одиннадцати ему пришло в голову, «что изречение Маркса “Бытие определяет сознание” верно лишь до тех пор, пока сознание не овладело искусством отчуждения; далее сознание живет самостоятельно и может как регулировать, так и игнорировать существование. Для того возраста это, безусловно, было открытием...» [17, с. 7].

Сделав «первый шаг по пути отчуждения», И. Бродский в дальнейшем всю свою жизнь рассматривал «как непрерывное старание избегать наиболее назойливых ее проявлений». В контексте анализа этого пути к отчуждению И. Бродский открыл для себя, что «подлинная история нашего сознания начинается с первой лжи». Школьник Иосиф должен был заполнить читательскую карточку. Пятый пункт назывался «национальность». И. Бродский вспоминал эту ситуацию: «Семи лет от роду, я отлично знал, что я еврей, но сказал библиотекарьше, что не знаю». Он писал: «Я стыдился самого слова “еврей” – независимо от нюансов его содержания» [17, с. 6–12]. Остается только сопереживать маленькому еврейскому мальчику, который решился на ложь из-за ужаса перед той атмосферой отношений, которые стояли за пресловутым пятым пунктом анкеты в читательской карточке...

Иосиф писал о том, что он, благодаря амбивалентной системе воспитания («амбивалентность, мне кажется, – главная характеристика нашего народа» [17, с. 11]), нау-

чился лгать: «К тому времени я научился ценить ложь». При этом он понял, что «правда кончается там, где начинается ложь. Вот чему научился в школе мальчик, и эта наука оказалась полезней алгебры» [17, с. 13].

Многоликость
обмана

В конце XX столетия научный сотрудник Института философии РАН Д. И. Дубровский посвятил проблеме обмана специальную работу. Он писал о том, что каждый человек в принципе знает, что такое обман – он постигает многоликость обмана на собственном опыте. Автор писал, что «обман – это ложное, неверное сообщение, способное ввести в заблуждение того, кому оно адресовано. Однако следует различать обман как действие субъекта, преследующего определенный интерес, и обман как результат, то есть как действие, достигшее своей цели, ибо нередко это действие оказывается неэффективным: обман распознается, разоблачается» [18, с. 3].

Обман как
атрибутивная черта
человеческой
коммуникации

Д. И. Дубровский указывал на то, что во всех сферах коллективной и личной жизни обман был и остается настолько существенным фактором, что без его учета и анализа вряд ли можно составить основательное представление о взаимоотношениях людей, о конкретных социальных событиях и процессах. Обман в общественных отношениях составляет своего рода атрибутивную черту человеческой коммуникации.

Исследователь полагал, что обман должен рассматриваться не только в правовом, но также и в этическом, социологическом и в индивидуально-психологическом планах. При этом различные планы исследования обмана могут быть относительно автономными.

Правда противостоит
обману

Указывая на правду как высшую ценность, философ подтверждал, что обман и правда исключают друг друга: «Правда противостоит обману, неправде как экзистенциальная смысловая ценность высшего ранга, удостоверяющая подлинность нашего существования. Поправание правды ведет к распаду целостных устоев человеческого общежития, к умножению абсурда, бессмысленности бытия, ибо правда выражает саму суть социальности, единение с другими, со всеми, кому несут весть, доверие к другим, общность или согласуемость интересов» [18, с. 5].

Обман как
обособление

Автор был убежден, что обман как намеренное действие чаще всего выражает обособление, разрыв, нарушение общности, недоверие, враждебное отношение к другим или неподлинное общение, в котором доминируют прагматические цели» [18, с. 5].

Обман имеет двойную направленность: на другого и на самого обманщика, «ибо нельзя обманывать другого, не обманывая себя... Тем самым обман демонстрирует приоритет низших ценностей над высшими – такими, как истина, справедливость, принципы морали» [18, с. 5–6].

Обман как
безнравственная
защита собственных
интересов

Обман рассматривается как безнравственная форма защиты собственных интересов. Правда существует лишь в масштабе общечеловеческих ценностей и смыслов, которые имеют конкретно-исторический характер. Всякое принижение ценностного статуса правды неминуемо ведет к ее постепенному превращению в свою противоположность: за правду начинают с легкостью выдавать ее протитуированное подобие. Д. И. Дубровский указывал на то, что «власть имущие лица, организации, социальные группы и государства стремятся низвести правду до прислужницы своих интересов» [18, с. 6].

Исследователь феномена обмана полагал, что ущемление правды, тем более наглое господство неправды, сказывается на всей системе высших ценностей, рождая цепную реакцию скепсиса, безверия и цинизма. Правда выступает необходимым звеном в системе высших ценностей, образующих духовный остов социальности и человечности. Правда служит неустрашимым основанием совести, достоинства, свободы человека. Ложь противостоит не только совести, но и чести. Ложь угнетает достоинство человека, если он не сопротивляется ей.

Следование правде
обеспечивает
личности чувство
самоценности

Далее Д. И. Дубровский декларировал следующее: «Следование правде обеспечивает личности сохранение, восстановление чувства социальной самооценности, без которого нет элементарного самоуважения, веры в оправданность своей социальной деятельности. Восставая против неправды, человек нередко теряет ряд житейских преимуществ и выгод, но обретает более высокие ценности и прежде всего утверждает свое подлинное достоинство» [18, с. 7]. Правдивость рассматривалась философом как свойство социального субъекта, она выражает фундаментальную ценностную характеристику личности. Тот, кто утратил это свойство, теряет и право быть полноценной личностью, обесценивает себя как партнера по общению и совместной деятельности. Лживость позорна. Обвинение во лжи есть тяжкое оскорбление. Оно попирает честь и достоинство человека.

Тот, кто уличен во лжи и обмане, «сознает свою фрагментарность, амбивалентность, сосуществование в себе различных, иногда взаимоисключающих ценностей, а потому дорожит своей “частичной” честно-

Правдивость – эквивалент аутентичности

стью, “частичной” честью, которая отрицается, аннулируется актом уличения во лжи» [18, с. 7–8].

Правдивость – необходимое условие и даже своего рода эквивалент аутентичности¹ личности. Сохранение аутентичности предполагает сохранение правдивости при исполнении социальных ожиданий. «Правдивость равнозначна подлинности, утрата которой проявляется в потере собственного лица [18, с. 8]. Нельзя не согласиться с Д. И. Дубровским: правда как высшая ценность утверждает себя в качестве социальной и психологической реальности лишь в противостоянии неправде, в борьбе с ней, в противодействии всевозможным формам неподлинности и убожества. Правда есть выражение активности духа, стремящегося возвыситься над низким, суетливым, сиюминутным. Это не только акт истины, но и акт воли. Отношения между правдой и неправдой логически сходно с отношением добра и зла.

Многоликость лжи выростала в истории человечества

Ложь, как всякое свойство, обретаемое в истории человеческого рода, имеет много ипостасей, которые развивались во времени истории возникновения многообразных культур.

Значение для истории духа родовых отступников

Как мы знаем, труд начал индивидуализировать человека в рамках родовых отношений. Наиболее способные и предприимчивые представители рода создавали не только улучшенные орудия, не только превосходили других в трудовой деятельности, но и ощущали необходимость улучшения социальной системы рода. В. С. Мухина писала: «Если успехи в первых деяниях были очевидны (например, появлялось больше добычи в результате использования улучшенного орудия), то новаторство в социальной области воспринималось как отступничество. Так, родовой индивид, который, несмотря на ожидаемую кару, стремился к нововведениям в социальном плане, был поистине не только новатором, но и подлинным революционером, прообразом личностного начала в человеке. Сколько их было, безымянных теперь “родовых отступников”, которые были в действительности предтечами, перволичностями...

Для того, чтобы родовой человек предпринял попытку ввести новаторские идеи в родовую социальную систему, он должен был не только породить эту идею, но и найти в себе силы обособиться от родовых табу, тотема и самого рода. И это обособление было уже

¹ Аутентичность (гр. authentikos) – подлинный, исходящий из первоисточника.

качественно новым по сравнению с отчужденной агрессивией к чужому племени.

Развитие способности в предусмотрительной хитрости и к обману

В то же время развивалась еще одна особенность в человеческом обществе: появлялась способность к *скрытности*, что противопоставляло человека его общности. Общность становилась в той или иной мере *чуждой*» [1, с. 413]. Человек постепенно открывал для себя способы такой рефлексии на социальные ситуации, в которых люди сталкиваются в противоречиях своих отношений друг с другом, развивая в себе способности в предусмотрительной хитрости и к обману.

О человеке в проблемной для него ситуации писал Б. Ф. Поршнев: «Являясь антитезой откровенности, скрытность выражает противопоставление индивидом себя данной общности, которую он рассматривает как в той или иной мере чуждую. Чем более он видит в ней чуждую среду, тем интенсивнее его внутренние усилия к *скрытности, хитрости, обману окружающих...* Если доверие и правдивость составляют простейший остов общности, то скрытность и лживость отвечают сложности ее структуры, означают отрицание индивидом общности» [19, с. 184]. Здесь же Б. Ф. Поршнев заключил: «Обобщая можно сказать: и неправда как *ложь*, и неправда как *умолчание* относятся к миру человеческих отношений и в генезе представляют собой выражения обособления индивида в некоторой общности» [19, с. 184] (курсив наш. – Авторы).

Ложь зачинается в нюансах межличностных отношений

Именно племенные ожидания определенного типа поведения определяли развитие родового самосознания, объединенного в значении и смысле знакового слова «мы». В. С. Мухина писала о том, что, помимо тенденции к подчинению человеческих индивидов непосредственным интересам племени, в истории человечества появлялись и принципиально новые тенденции: «Это тенденция к открытию новых способов действий в мире людей и предметов. Проходя через экстремальные ситуации, которые предлагала социальная, не природная жизнь людей, отдельные представители рода человеческого приносили в свои племена и народы этические нормативы. Эти нормативы, закрепляясь, превращались в прочные обычаи, ориентация на которые поддерживалась общественным мнением. Именно *выполнение обычаев и законов давало возможность родовому человеку удовлетворять свою потребность в признании* [1, с. 581–582].

Притязание на признание провоцирует ложь, зависть

Современные нормы социального поведения человека уже не существуют в виде родового табу, а размещаются в сфере кодексов и моральных представлений. При этом, благодаря развернутой культуре рефлексии,

появляется понимание мотивации человека, совершившего тот или иной поступок. Таким образом, притязание на признание для современного человека может быть реализовано не в жестко определенных формах деятельности или нормативного поведения, а в нюансах межличностных отношений.

Депривация реализации притязаний на признание (неодобрение, порицание, отчужденность со стороны других) приводит к эмоциональному напряжению и фрустрации, к развитию таких негативных образований, как *ложь, зависть, агрессивность* и др.» [1, с. 582].

Ложь
воссоединяется
с мошенничеством

Можно привести множество современных исследований, касающихся феномена *лжи, предательства, манипулирования другими, мошенничества* и другими проявлениями человека против другого человека. Во всех случаях все названные и подобные им негативные качества, обращенные против другого, отчуждают людей друг от друга.

Мошенничество еще В. Даль соединял с ложью в форме обмана. И сегодня в русском языке мошенничество – образ действия мошенника: *ложь, жульничество, плутовство. Мошенник* – нечестный человек, плут.

Обратимся к современным работам отечественных и западных специалистов, анализирующих мошенничество.

Схема скрытого
управления

Все варианты лжи, обмана и мошенничества В. П. Шейнов уложил в универсальную схему *скрытого управления*. Под скрытым управлением человеком (адресатом воздействия) автор понимает такое воздействие со стороны управляющего субъекта (инициатора), при котором: 1) истинная цель инициатора скрывается от адресата; 2) афишируется иная цель (привлекательная для адресата) [20, с. 6–7].

Скрытое управление адресатом против его воли – манипуляция, при которой инициатор (манипулятор) получает одностороннее преимущество или выгоду за счет адресата (жертвы). Ложь, обман – сознательное и недобросовестное сообщение жертве заведомо ложной информации с неблагоприятной целью. Это простейший способ манипулирования. Если обман совершается с целью нанесения имущественного ущерба жертве, то он является одной из форм мошенничества. *Мошенничество* – это манипулирование жертвой противозаконными способами, подпадающими под действие Уголовного кодекса.

Ложь и обман
в отношении
личности

Разновидности лжи в качестве обмана в зависимости от обстоятельств систематизировали И. Ф. Амелчаков и Р. Б. Осокин. Это всегда обман в отношении личности.

Например, приписывание себе должностного положения, квалификации, состояния здоровья, попросту представления себя иным, особенным лицом. Или приписывание несуществующего статуса другим, иногда вымышленным лицам. Обман относительно предметов – обман, обращенный на презентацию или уничижение качества, количества, ценности, наличия вещи. Примерно так же могут варьировать обманом относительно событий, в отношении намерений (это обман относительно обещаемых действий, обязательств) [21, с. 54–56].

Мошенник как манипулятор

Мошенник с психологической точки зрения фактически всегда манипулятор. Субъектом мошенничества, мошенником является человек, который сознательно вводит других в заблуждение. Но он не отчужден от объекта воздействия, скорее наоборот, предполагается, что для него свойственна эмпатия как способность чувствовать, мыслить и хотеть так, как чувствуют, мыслят и хотят люди, намечаемые в качестве жертвы [21, с. 73–74]. Мошеннику просто необходимо найти «отмычку» не только от кошелька, но и от дверей души потерпевшего.

Мотивы лжи

В континууме (лат. *continuum* – непрерывность, неразрывность явления) лжи выделяется большое количество градаций. Согласно В. Д. Менделевичу, особой разновидностью коммуникативных девиаций считается поведение, при котором человек руководствуется псевдологией [22, с. 136–137]. При данной форме отклоняющегося поведения человек склонен активно и часто использовать ложные (неправдивые) высказывания. Он лжет не ради получения какой-либо выгоды, а с целью привлечения к собственной персоне внимания или для провоцирования окружающих. Псевдологическое поведение может иметь аддиктивный или патохарактерологический оттенок. Выгода заключается в изменении своего психологического состояния (получение удовлетворения от признания и привлечения внимания, радости от введения в заблуждение или запутывания собеседника, удовлетворение причиненным партнеру вредом).

Иной, но близкий вид лжи, обмана описывает П. Экман: это «восторг надувательства» [23, с. 50–57]. Меркантильного интереса как такового в таком обмане нет, или он минимален. Интерес состоит в преодолении личности другого человека. Например, «восторг» весьма усиливается при возможности обмануть того, кто имеет репутацию умного человека, которого трудно обмануть.

Ложь и заблуждение

«Большой знаток и ценитель лжи» (без иронии) В. В. Знаков полагал, что неправда не означает одно-

значно объектного (манипулятивного) отношения к другому человеку. Неправда может воплощаться в заблуждении, при котором передаются неточные, искаженные, или неполные данные, но цель обмануть не ставится [24, с. 69–81].

Цель лгущего – ввести в заблуждение, обмануть.

Изохренной формой введения в заблуждение является **обман**. Обман – это слова, поступки, действия и т.п., намеренно вводящие других в заблуждение. Это еще и состояние обманутого: заблуждение, ошибка (вести в обман; впасть в обман). Обман может быть полуправдой, сообщением с расчетом на то, что из него будут сделаны ошибочные выводы.

Искажение смысла –
своеобразный обман

Своеобразным обманом может быть искажение смысла, которое возникает при «отчуждении» смысла высказывания. С одной стороны, это типичная проблема для любого цитирования: вырванные из контекста слова могут полностью исказить смысл целостного высказывания, всей мысли. Этот обман может быть сделан умышленно. Однако, он может быть и неумышленным.

Как полагает Г. Б. Гутнер, отчуждение существует тогда, когда власть языка действует против индивида. В формальной логике цитата с искаженным смыслом – это софизм «от сказанного с условием к сказанному без условия» [25, с. 53–54].

Ложная сущность
софизма

Софизм (гр. *sophisma*) – ложное по существу позиционирование, умозаключение, формально кажущееся правильным, основанное на преднамеренном, сознательном нарушении правил логики.

Софизм уже у древних эллинов использовался в рассуждениях, умозаключениях или убеждающей речи, когда ораторы или квазимудрецы обосновывали какую-либо заведомую нелепость или утверждение, противоречащие общепринятым представлениям. Приведем в качестве примера софизм, построенный с нарушением закона тождества. Этот софизм приводил Аристотель: «Если Кориск не то же, что “человек”, то он не то же, что он сам, так как он человек... Если Кориск не то же, что Сократ, а Сократ – человек, то признается, что Кориск не то же, что человек» [26, с. 541].

Взяв на себя задачу обсудить софистические опровержения, Аристотель увещевал: «А так как некоторые заботятся больше о том, чтобы слыть мудрыми, чем быть мудрыми и не слыть ими (ведь софистика – это мнимая мудрость, а не действительная, и софист – это тот, кто ищет корысти от мнимой, а не действительной мудрости), то ясно, что для них важно скорее казаться

исполняющими дело мудрого, чем действительно исполнить его, но при этом не казаться исполняющими его. Дело же знающего – каждый раз, сопоставляя одно с другим, говорить правду относительно того, что он знает и уметь уличать лжеца» [26, с. 536]. *Аристотель называл софистов пустословами* [26, с. 560], *имеющими ложные цели* [26, с. 537, 557] и *явными лжецами*.

Конечно, софизм – разновидность лжи и обмана. Это всегда умышленное нарушение правил логического вывода в рассуждении для придания видимости истинности ложному заключению. Конечно, в образности и логике суждений нам можно учиться у Аристотеля в течение всей нашей жизни. Аристотель – гений.

Продолжим наш анализ проблемы лжи и предательства.

Ложь и сплетня

Ложь может прекрасно конструировать сплетню.

Сплетня – распространение нарочито неправдоподобных слухов о ком-либо, основанных на заведомо неверных, лживых, нарочито измышленных сведениях.

Сплетня может содержать в себе злую ложь, обман. Как полагает Д. С. Горбатов, сплетня – довольно сложный для определения феномен [27, с. 64–65]. Он пытается описать основные признаки сплетни, подчеркивая, что ни один из этих признаков не является обязательным.

Обычно подчеркивается неформальный характер коммуникации, праздность, зависть, заведомая ложь. В сплетнях встречаются ситуации «перемывания косточек». Фактически во многих случаях в СМИ мы имеем дело именно со сплетнями, хотя и формализованными.

На поверхности сплетни, согласно Р. Ф. Баумейстеру с соавторами, лежат истории о людях с негативной направленностью [28, с. 111–121]. Часто сплетни представляются как пустой разговор – не для обсуждения, а для проведения времени. Иногда сплетня предстает как форма непрямой агрессии с целью очернить другого или имеет определенную цель. Однако авторы полагают, что сплетни несут еще одну (иную) функцию – функцию социализации. Сплетня может жить как своеобразная повествовательная форма изложения норм общества. В сплетне может быть также познавательная функция (большинство опрошенных отметили, что из сплетни узнали что-то полезное). Таким образом, авторы полагают, что сплетня – это и разговор для поддержания отношений, и дискредитация «мишени», но, прежде всего, она помогает ориентироваться в сложной и двусмысленной социальной жизни.

Феномен
повседневной лжи

Феномен так называемой «повседневной лжи» анализируют Б. М. ДеПауло с соавторами. Содержательно

повседневная ложь – это обман относительно своих чувств, действий, планов, знаний и достижений. Таким образом, обман касается в большей степени личности самого обманщика. Авторы полагают, что у женщин несколько больше лжи в отношении других людей [29, с. 985, 989]. По данным этих авторов, в большинстве случаев люди оценивают свой обман как «ложь защитную» или «во благо»; в противном случае «правда была бы хуже для того, кого обманули». В большинстве случаев (более 70%) респонденты не испытывали по поводу своего обмана сожалений (или, если сожалели, то весьма незначительно) и были готовы повторить свой обман.

Ложь и обман
греховны

Собственно и в богословии отношение к безобидной лжи также не очень строгое. Хотя любая ложь и обман считаются здесь греховными, но обман «во благо» не считается смертным грехом; все зависит от намерений [30, с. 31]. Например, шуточный обман, направленный на безобидное развлечение, или обман для пользы другого смертными грехами не являются.

Социальная жизнь
предполагает ложь

В другой своей работе Д. А. Каши и Б. М. ДеПауло высказывают предположение, что социальная жизнь сама по себе предполагает ложь: чем более вовлечен человек в социум, тем более он склонен к обману [31, с. 1039, 1042]. Но это не просто прямая зависимость между возможностью говорить неправду в социальных взаимодействиях и ее реализацией.

Ложь во спасение

Как показывает анализ, проведенный Д. А. Каши и Б. М. ДеПауло, в социальных взаимодействиях ложь нередко служит благу других людей. Ориентированная на благо других людей ложь защищает их от смущения, не ставит в неловкое положение, не причиняет боли, беспокойства и иных неприятностей. Такая ложь может представить кого-то в выгодном свете. Авторы, конечно, рассматривают и иные виды лжи, в том числе ложь в целях манипулирования в социальных отношениях. Ложь сегодня – феномен, проникающий во все сферы человеческих отношений.

П. Экман рассуждает, в свою очередь, о лжецах-альтруистах. Это: священник, скрывающий исповедь преступника; спасатели, не сказавшие раненому мальчику, что его родители погибли под обломками самолета и т.п.

Дозволенная ложь

Нередко ложь является социально дозволенной.

Человек действует в рамках определенных социальных норм. Когда ложь становится дозволенной, даже эгоистичный обман может не вызывать у лгущего угрызений совести. Так, игроков в покер не мучает совесть за то, что

они блефуют. Это верно и относительно торгов, где бы они ни проходили – на восточном базаре, на Уолл-Стрит или в ближайшем офисе агентства недвижимости. Домовладелец, который запрашивает за свой дом дороже, чем тот стоит в действительности, не будет чувствовать за собой никакой вины, когда получит требуемую цену: его ложь дозволена. Здесь участники торгов ожидают друг от друга именно дезинформации, а не правды [23, с. 50–57].

Именно в торгах каждый лжет во имя собственной выгоды.

Ложь как
предательство

Ложь – всегда предательство того, кого обманывают. Но предательство имеет свои собственные значение и смыслы. Предатель тот, кто изменнически, вероломно выдает, отдает во власть противнику. Предатель – всегда лживый изменник.

Имя Иуда (евр. Иехуда – восхваление Господа) выступает в истории христианства как парадоксальное, так как Иуда Искариота (то есть «человек из Кариота»), восхваляя Господа, предал Его. Иуда-предатель вошел в Великое идеополе общественного самосознания как *архетипический образ предателя*.

Близкими к «предательству» понятиями являются понятия «измена», «крамола», «вероломство». Определить составляющие значения «предатель», «предательство» довольно сложно.

Согласно И. О. Вагину, субъект предательства – близкий человек или человек, связанный с ответственностью, от которого ожидается определенное поведение [32, с. 64–65]. Предавая, человек ведет себя вопреки нормативным ожиданиям. Кроме того, его действия наносят ущерб интересам, причиняют вред преданному.

Амбивалентная
оценка
предательства

Предательство принимается большинством культур как зло. Однако нередко – как зло необходимое. Например, предательство может быть расценено даже как героизм (во время войны), если оно морально и стратегически может быть оправдано.

Ч. Пинчер посчитал предательство совсем небезобидным для психики самого предателя. Предавший сам (даже при самом большом самообмане) должен осознавать, что он отказался от честности, которую ранее признавал похвальной, что его целостность «на нуле» [33, с. 298–300]. Однако в нормальных условиях обыденной жизни предатель обычно презираем. Именно поэтому он стремится оправдать и рационализировать свое предательство публично и перед самим собой.

Предателя обычно
ждет суровое
отчуждение

Предателя ждет суровое отчуждение окружающих, так как он сам отчужден от тех, кого предал. Предателя

обычно не принимают, чураются даже те, кому он послужил. Сам предатель отчужден ото всех и от себя самого.

Принуждение, манипулирование, обман – это часть технологий воздействия на других людей. Нельзя забывать о скрытых приемах воздействия, таких как внушение, психическое заражение. Открытой техникой, помимо принуждения, является подкуп в том или ином виде. Провести четкую границу между манипулированием и внушением, манипулированием и ложью, обманом, весьма сложно. В большинстве случаев воздействия комбинированы. Воздействия могут проходить на бессознательном уровне, но у хорошо социализированных и обученных субъектов они продуманы и вполне совершенны.

Контекст обсуждения негативных проявлений личности в рамках реалий социально-нормативного пространства побуждают нас обратиться к монографии А. А. Хвостова, посвященной моральному сознанию личности. Автор обсуждает структуру морального сознания, моральные ценности и принципы, моральные дилеммы и аморализм [34]. Исследование подводит читателя к пониманию амбивалентности сущностного бытия человека в мире социально-нормативных отношений.

В то же время мы полагаем, что здесь будет полезно обратиться и к монографии В. С. Мухиной, посвященной феномену отчуждения человека от человека. Отчуждение, как злая эмоция, в крайнем своем проявлении может привести к катастрофе участвующих в акте отчуждения человека от человека [35]. Автор показал, что абсолют отчуждения, проявляющий себя в разбоях, кровавых насилиях и убийствах, коррелирует с такими негативными образованиями человека, как зависть [35, с. 38, 197, 258, 261], аморализм [35, с. 34, 95, 397, 448, 474, 530], зависть [35, с. 38, 197, 258, 261], злоумышление [35, с. 51], злопамятство [35, с. 157, 497], отчужденность и отчуждение [35, с. 9, 11–24, 28, 29 и т.д.], цинизм [35, с. 157, 449, 497]. Все эти и прочие негативные качества рядоположены с ложью и предательством.

Авторы также обращают внимание на корреляцию между саморазрушающими страстями человеческими и другими негативными проявлениями [36]. Действительно, восемь греховных страстей человеческих (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость) неизбежно побуждают многие негативные качества человеческие к их проявлениям.

Прежде всего, следует указать, что *гнев* – чувство сильного негодования, возмущения, состояние раздражения и озлобления. Гнев провоцирует злоречие, враждеб-

Проблемы морального и аморального сознания человека

Абсолютное отчуждение разбойников, насильников и убийц

Корреляция между страстями человеческими и другими негативными проявлениями

Гнев, гордость, и тщеславие провоцируют лживость

ность [36, с. 119, 128], месть [36, с. 125], памятозлобие [36, с. 121, 122, 127], ярость [36, с. 19, 122–125, 128, 133, 163, 169] и другие негативные проявления человека.

Очень важно указать на *гордость* – чувство излишнего доверия своему уму и личному духовному опыту.

Гордость – превозношение над ближним, высокомерие, «демонская твердыня». Гордость – это презрение ближнего, предпочтение себя во всем, «лжеименитый» разум [36, с. 157]. Гордость провоцирует: бесовский нрав [36, с. 154], бесстыдное самовосхваление [36, с. 154], зависть, завистливость [36, с. 154, 156], лживость [36, с. 152] и другие негативные проявления человека.

Безусловно, следует назвать и *тщеславие* – стремление к почестям и почитанию, свойство, сопряженное с гордостью, надменностью, кичением, суетностью и отчуждением от других [36, с. 148]. Тщеславие провоцирует: завистливость [36, с. 150]; похвальбу всеми своими страстями [36, с. 149], а также лживость и предательство.

Греховные страсти – порок культуры и порок каждого человека

Гнев, гордость, тщеславие и другие духовные страсти являются пороком культуры и пороком каждого отдельного человека. Эти страсти таят в себе готовность ко лжи и предательству. По существу, ложь и предательство коррелируют друг с другом, но ложь первична в этом тандеме.

Важно следующее.

Феноменологическая сущность лжи

Ложь искажает и «укорачивает» личность. Ложь всегда есть нарочитое искажение истины в корыстных целях. Ложь в целом – адаптивное неперспективное решение возникшей проблемной ситуации; при этом ложь влияет на саму личность – искажает и «укорачивает» ее: «Вообще ложь есть нарочитое искажение истины в корыстных целях. Ложь в целом – адаптивная неперспективное решение возникшей проблемной ситуации» [1, с. 581–582].

Ложь мы рассматриваем как вариант аддиктивного поведения. Ложь неизбежно приводит человека к личностной дезорганизации и выраженному отчуждению от человеческой сущности. По существу, ложь кардинально изменяет позицию человека по отношению к другим людям.

Лжец – всегда частичная, парциальная личность, отчужденная от человечества. Лжецы всегда предатели – они вредят самому человеческому качеству человека – убежденности в чьей-либо искренности, доверию.

Лжец всегда отчужден от других людей.

Ложь является пороком культуры и пороком каждого отдельного человека, который способен лгать и предавать ближнего.

1. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010.
2. *Платон.* Государство: Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – М., 1994.
3. *Платон.* Законы: Собр. соч. в 4 т. Т. 4. – М., 1994.
4. *Аристотель.* Никомахова этика: Соч. в 4 т. Т. 4. – М., 1984.
5. *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. Кн. 3. – М., 1979.
6. *Ларошфуко Ф.* Мемуары. Максимы. – Л., 1971.
7. *Кант И.* Метафизика нравов: Собр. соч. в 8 т. Т. 6. – М., 1994. – С. 226–567.
8. *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия / 1. Статьи: Собр. соч. в 8 т. Т. 8. – М., 1994. – С. 256–262.
9. *Кант И.* О педагогике / 1. Статьи: Собр. соч. в 8 т. Т. 8. – М., 1994. – С. 399–462.
10. *Карпенко А. С.* Ложь // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. – М., 2010.
11. *Соловьев В. С.* Ложь // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон. Т. XVII А. – СПб., 1896.
12. *Соловьев В. С.* Об упадке средневекового мирозерцания: Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1988.
13. *Соловьев В. С.* Общий смысл искусства: Соч. в 2 т. Т. 2. – М., 1988.
14. *Флоренский П. А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии: Собр. соч. – М., 2000. – (Филос. наследие).
15. *Флоренский П. А.* Отзыв о сочинении А. Трубецкого «Воскресение Христово»: Соч. в 4 т. Т. 2. – М., 1996. – С. 192–277.
16. *Флоренский П. А.* Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания: Соч. в 4 т. Т. 3 (2). – М., 1999. – С. 386–488.
17. *Бродский И.* Меньше единицы // Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Т. V. – СПб., 1997. – С. 7–27.
18. *Дубровский Д. И.* Обман. Философско-психологический анализ. – М., 1994.
19. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1979.
20. *Шейнов В. П.* Психология обмана и мошенничества. – М., 2002.
21. *Амельчаков И. Ф., Осокин Р. Б.* Хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество): история, элементы и признаки состава, квалификация. – Тамбов, 2005.

22. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: Учебное пособие. – СПб., 2008.
  23. Экман П. Психологи лжи. – СПб., 2007.
  24. Знаков В. В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии сознания. – М., 1993.
  25. Гутнер Г. Б. Отчуждение в коммуникативных практиках // Человек. – 2008. – № 5.
  26. Аристотель. О софистических опровержениях: Соч. в 4 т. Т. 2. – М., 1978.
  27. Горбатов Д. С. Сплетничание как социально-психологический феномен // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 1.
  28. Baumeister R. F., Zhang L., Vohs K. D. Gossip as Cultural Learning // Review of General Psychology. – 2004. – Vol. 8. – № 2.
  29. DePaulo B. M., Kashy D. A., Kirkendol S. E., Wyer M. M., Epstein J. A. Lying in everyday life // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 70. – № 5. – P. 985, 989.
  30. Zagorin P. Ways of Lying: Dissimulation, Persecution, and Conformity in Early Modern Europe. – Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1990.
  31. Kashy D. A., DePaulo B. M. Who Lies? // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 70. – № 5.
  32. Вагин И. О. Психология зла. Практика решения конфликтов. – СПб., 2001.
  33. Pincher Ch. Traitors. The Labyrinths of Treason. – London: Sidgwick & Jackson, 1989.
  34. Хвостов А. А. Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминанты: Монография. – М., 2005.
  35. Мухина В. С. Отчуждение: Абсолют отчуждения. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
  36. Мухина В. С., Хвостов А. А. Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человека. – М., 2011.
-